

СИЛА РЕВНОСТИ

Г

ГЛАФИРА Никитишна, женщина ещё, что называется, в полном соку, собралась вдруг помирать. Неделю с постели не встаёт, ест как воробушек, пьёт через силу. Говорит, что всё в одну кучу смешалось. Вроде пьёшь воду, а по вкусу, будто рассол с душком.

С чего хворь началась, неясно. Вроде недавно ходила по огороду, с капусты улиток снимала, а теперь ни наклониться, ни разогнуться; бурёнку в стадо без проблем гоняла, а сегодня до хлева дойти не в силах. Да что Бурёнку, мужа спозаранок на рыбалку раньше поднимала, а ныне голову от подушки поднять тяжко.

А началось всё в полнолуние. Вышла Глафира Никитишна ночью по нужде, споткнулась о корень, ахнула и будто бы проглотила чего-то. Может, мошка какая залетела. Её как раз сейчас много вьётся, иной раз кажется, что пыль столбом, а приглядишься – гнус.

Но знающие люди говорили, что никакая это не мошка, а порча самая что ни на есть настоящая. Летала, видать, неприкаянная, и искала, к кому бы пристроиться, кто по духу, значит, ей люб.

«Знающих» в деревне было две: Наталка-косая и Люська-рябая. Обе своим десяткам счёт потеряли, а потому не сомневались в своём праве других учить.

И вот, как только услышали, что Глафире Никитишне нездоровится, так тут же явились обе. Подсобить, присоветовать, почаёвничать.

И пришли к единогласному мнению, что горемычная приняла на себя порчу.

Лежит Глафира Никитишна на пуховых подушках, обессиленно слёзы утирает: помирать-то не хочется. Зовёт мужа:

– Василий, подь сюда.

– Чего, Глафирушка? Чего, моя рыбонька?

– Васенька, сокол ты мой ненаглядный. Обещай мне кой-чего сделать...

– Чего, краснопёрушка моя?

– Ты только не ругайси, Васенька. – Никитишна сглотнула и прокашлялась, держась за грудь. – Но только пообещай мне, что как похоронишь меня, так долго вдовым ходить не будешь. Погорюешь чуток, сороковины справишь и найдёшь новую жинку.

– Глафира, карп тебе под брюхо! Ты что же такое говоришь-то? Как же я себе новую искать буду? Да мне же, окромя тебя, никто не нужен! Да и не дело это без любви женихаться. Это же как жор без нереста.

– Васенька, соколок, охолонись, а то, как кипень горячий. Я вот чагой думаю: Алёна с Ваней ещё малы, Ваня тот без мамки не сможет, ему перед сном спинку почесать, поутру с ним полежать, пока он титьку жамкает.

– Сама и набаловала, мать!

– А кто, ежели не я? Лежу, считай восьмой день, а ему горемычному и приткнуться некуда. Придёт вечером, на грудь голову положит и лежит.

– Ну, на то это и мамкина грудь-то, это же как желточный пузырь у малька.

– Конечно, Васенька. Потому ты не перебивай меня, дослушай. Дому хозяйка нужна. Когда ты с поля придёшь, кто тебе на шею воды польёт? А кто Алёнушке ленточку в косу вплетёт? Ваньке кто молока из-под коровы нальёт? Весь дом же на нас, на бабах держится.

– Ну-у-у...

– Не нукай, а сам посуди. Утром ты встал: на столе каша. Штаны за плуг зацепил: утром зашиты. Корову подоить, пирогов напечь, портки подоить, постель постелить, чугунок песочком натереть, хлеб замесить, всех накормить и всем угодить, дитя выносить, курям-гусям задать, общипать их, как время подошло, воды наносить, бельишко постирать, задергушку вышить гладью, чтобы красиво было, кошель едой забить, всем одёжку поправить, огород

прополоть, ягод собрать, рожь дожигать, лён трепать...

Глафира Никитишна увлеклась перечислением своих обязанностей, даже о хвори ненадолго подзабыла, только увидав заскучавшее лицо супруга, успокоилась и продолжила монолог:

– Да и пустая изба без хозяйки-то. Бездушная. Обнять, приласкать, приголубить, спинку почесать, занозу вытащить, гостей принять, утешить, расшевелить, вовремя рот закрыть – всё на нас держится.

– Ну-у-у, могёт, так и есть оно. – Василий шумно почесал макушку.

– Так вот, Васенька, сокол мой ясный. Ты в численнике, после моих сороковин денёк-то обведи. И как срок подойдёт, начни жинку искать. Не могу я со спокойной душой уйти, всё оставив. Бурёнка скоро отелится...

Василий заволновался, занервничал:

– Глафира, в тот год, когда тебя сватал, пошёл я рыбу удить. Иду, а сам думаю – выужу хорошую и жизнь будет хороша. И не поверишь, белугу в тот день выудил! Сколько бы потом ни ходил, а больше не было. Дед говорил: белуга сюды раз в сто лет заплывает. А мне вот повезло! А потом тебя я повстречал. Где ж я такую белугу ещё найду, единственная ты моя, Глаша.

Глафира прослезилась от таких слов. Смотри-ка, ласковый Васенька-то, как телок.

– Ах, Вася, – утерев слёзы продолжила она, – такую, как я, знамо, не найдёшь. Но и вдовым ходить не дело. Изба рассыплется без хозяйки, дети без любви не расцветут. Да и ты зачакнешь раньше сроку! Давай уж я одна к Богу пойду, тебе ранёхонько ещё. Вот гляди, что я разумею.

Глафира чуть поднялась на подушках, попила воды, что муж протянул ей, и приступила к самой важной части разговора.

– Гляди, Соколик, нужна тебе жинка, чтобы хозяйственная была, не транжира, чтобы детей, как своих полюбила.

– Таких уж нет, окупёк – полосатый бок!

– А ты приглядишься, Васенька. В соседнем селе Варвара живёт, мужа пятый год схоронила, а никто её не сватает.

– Дык она же злая пуще щуки! От неё и хватом недолго получить.

– Не злая она, а строгая. К себе абы кого не подпускает, чтобы шуток не пошёл, чтобы порядок блюсти. Мы с ней у реки иной раз встречаемся. Дольше всех бельё она полощет, чтобы чисто-начисто было. И на слова приветная, где надо, шутканёт, где надо, осадить моёт.

– Не знаю, Глафирушка. Уж больно на зубастую похожа, того гляди и цапнет.

– А ты всё равно приглядишься! Я тебе плохого не присоветую, сам понимаешь, дело сурьезное, – Глафира поправила платок. – Ну, или вот Дарьяна, что возле церкви живёт. У ней жоних служить ушёл да не вернулся, так и ходит одна по миру. А девка-то ладная!

– Так, поговаривают, что надкушено яблочко-то.

– А ты слухай больше! Хорошая девка, Дарьяна. Малость привередливая, ну оно и ясно – тятенька любит её пуще ягоды. Дык ты и сам Алёнку сызмала тетёшишь. Она уж сама скоро невеста, а ты всё голубишь её.

– Как не голубить стерлядушку мою ненаглядную?

– Вот и Дарьяну отец любит пуще братьев, оттого она и своенравна. Но это для виду, Вася. Чтобы всяка шелупонь не лезла. А ты же у меня мужчина видный, в селе почитаемый.

– А то! – расправил плечи мужчина.

Глафира свою линию гнёт:

– А ишо, соколик быстрокрылый мой, у Верки Сердюковой сестра есть. Вдовая. Она, конечно, годков на пять постарше. И сынок у ней имеется. Но баба хозяйственная, и Алёшка ейный мальчонка хороший, то воды с колодца натаскает, пока мать в поле. То на сенокос пойдёт. Вот он Алёнке нашей

братом старшим станет, Ваньке защитником, а тебе помощником по хозяйству. А Лизавета подругой жизненной...

Глафира Никитишна тяжело вздохнула, смела с щеки слезинку. Помирать-то как не хочется, но, видать, Бог так решил. Зато уйдёт со спокойной душой, а то как ребятишек-то без мамки оставлять? Тятенька есть тятенька. Он медком кашу не подсластит...

А Василий тем временем задумался о чём-то. По всему видно, и ему тяжело при любимой жинке новую хозяйку выбирать. Вот ведь как бывает: в реке жизни жили дружно, он как самец строил гнездо, она метала икру. Ах, ну неужели всё скоро закончится, как рыбалка в знойный день? Наверное, об этом думал Вася, не иначе. Но вслух сказал другое:

– Глашенька, карпушенька моя чешуйчатая, а что разумеешь про Дуню?

– Каку Дуню? – наморщила лоб Глафира.

– Дык кузнецова дочь. Евдоке-е-я... – мечтательно протянул Василий. – Так вроде бы и она девка ладная, статная, молодая, сочная. У ней глаза ещё большие, как у судака. А сама быстрая, проворная, слышал, что в руки-то она не даётся, а парни наши за ней табуном ходят. Как думаешь, пойдёт за меня?

Глафира Никитишна покраснела, как рак. Василий вскочил, к кадке подбежал, воды набрал, ей ковшик протянул:

– На-а, охолопись, белуженька моя, вон как раскраснелась.

Набрала Глафира полный рот воды, мужа пальцем приманила. А как тот наклонился, так всю воду на него изо рта фонтаном и выплеснула.

– Ах ты, кобелина старый! Гляди-ка ты на него, Дуню он разглядел! Ладная да статная, говоришь? Вот я тебе сейчас покажу удилице! Вот я тебя, мотыль ты недороженный, сейчас научу рыбку-то ловить! Вон чё творится-то, не по нраву ему бабы, которых я ему нашла. Ему Дуню подавай, румяну да молодую.

– Глашенька, да ты чего?

– А того! – женщина села на кро-

вати. – Ты думаешь, для этой воблы сушёной я тут крючком занавески вышивала? Для неё огород в порядке держу, чтобы она чешуёй здесь блестела? А деток этой селитёрше рожала, чтобы она своими кузничьими ручищами не голубила, а леща им давала? Ах ты, петух ошипанный, распустил перья, и это при живой-то жене! Молодую ему подавай. Евдоке-ею, – передразнила она Василия.

А сама того не замечая, схватила шалёнку и замахнулась на мужа. Тот отпрянул, она за ним.

– Глаша, Глашенька... – шепчет Вася.

– Чагой? Испужался?

– Да ну тебя, уж не бабы же мне бояться! Ходишь, ты ходишь, белуга ты моя мясистая.

Глафира вытаращила глаза:

– А, батюшки! И, взаправду, хожу! Хожу Васенька, сокол мой быстрокрылый.

Счастливые супруги бросились к друг другу в объятия со скоростью сокола и щуки. Обнялись, уткнулись друг другу в плечо.

И вернулось счастье в семью. И прибежали деточки, ухватили мать, плачут

от счастья, целуют. Она и сама обрыдалась вся, вот же оно счастье-то – крепко на ногах стоять!

А мужу потом иной раз грозила:

– Глади у меня, будешь на Дуню и других молодых заглядываться! Ух я тебе удилица-то поотрываю.

А Вася хитро отвечал ей:

– Так, то рыбацкая хитрость была, стерлядушка ты моя. На живца я тебя из зарослей выманил. Считай, на ноги поставил, от смерти спас.

И про хворь свою Глафира вспомнила: вечером творог у соседки ела, и больно уж запашок не понравился, с душком творог-то был. Вот и крутило живот, вот и полоскало. А тут Наталка косая и Люська рябая с порчей своей насели, вдолбили ей в башку-то. А им прихлебалкам только чаю бы попить в чужой избе с чужими калачами.

Наука впредь будет – своим умом жить надо, а то глядишь, к Богу раньше времени отправишься, али соколика ясного своими же руками другой отдашь. Полно их, на чужих мужиков падких... Глаз да глаз за ними, а то, как колюшата разбредутся по зарослям, а там и щука хоп и сожрала!

